

А. Г. СУКОЛЕН

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНОЧНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ 'ПОХОТЛИВЫЙ' (НА МАТЕРИАЛЕ ЗООНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Стремясь охарактеризовать свое поведение, внешность, внутренние свойства, человек прибегает к сравнению с тем, с чем он сталкивается в повседневной жизни, за чем наблюдает и что ему ближе и понятнее всего – животным миром. Рассматривая зоонимы с точки зрения интерпретации концептуальной метафоры, китайский исследователь Су Хайянь отмечает, что «“животные” и “человек” – два отдельных понятия, имеющие различия и сходства. Различия между животными и людьми являются в рамках этих двух понятий обязательным условием для метафоризации. Сходства между животными и людьми являются связующим звеном между рамками этих двух понятий. Посредством отображения сходств можно сопоставить характеристики животного с организмом человека, что позволяет людям улучшить осознание и восприятие человека как такового» [1].

Оценочный признак 'похотливый' в русском языке передаётся соответствующей лексемой, имеющей значение 'проникнутый похотью, сладострастный': *Иудушка питает к ней отнюдь не родственные чувства, он ими только прикрывает свое похотливое влечение к красивой племяннице-актрисе* (В. Р. Гардин «Воспоминания») [2, с. 341]. Стилистически нейтральному слову *похотливый* синонимичны просторечное *блудливый* 'похотливый, распутный' [3, с. 99] и книжное *сластолюбивый* 'отличающийся чувственными наклонностями, стремящийся к чувственным наслаждениям; сладострастный' [4, с. 132].

В китайском языке общим соответствием для русских номинаций *похотливый*, *сластолюбивый* и *блудливый* является слово 淫蕩的 yíndàngde [5, с. 759, с. 973, с. 48], употребляющееся в значении 'развратный, распущенный' [6, с. 1563] и представленное двумя иероглифами: 淫 yín 'похотливый' и 蕩 dàng 'развратный'. Словам *похотливый* и *сластолюбивый* соответствует также слово 淫欲的 yínyùde 'страстный, развратный в желаниях' [6, с. 1563]: 淫 yín 'похотливый' 欲 yù 'тяга, стремление к чему-либо'. Слово *блудливый* также соотносится с китайским словом 淫亂的 yínluànde 'распущенный в половых связях, нарушающий нормы нравственности' [6, с. 1563]: 淫 yín 'похотливый' и 亂 luàn 'беспорядочный, развратный'.

Рассматриваемое качество в китайской культуре однозначно оценивается отрицательно. В конфуцианской традиции, которая опиралась на светские и этнорелигиозные принципы морали Древнего Китая и приветствовала самодисциплину и умеренность, были введены «суровые предписания относительно изолированности полов» [7, с. 84], которые жестко регламентировали не только нормы поведения между мужем и женой, но и отношения между

мужчинами и женщинами в целом. Тем не менее, писатели Древнего Китая «любили подтрунивать над строгими предписаниями, которые конфуцианцы накладывали на половые отношения» [7, с. 86].

Сексуальное поведение древних русов определялось двумя главными доминантами: «... одной из них были сложившиеся традиции, ритуалы и обычаи, связанные с воспроизводством себе подобных, другой – с крещением Руси» [8, с. 47]. Поэтому внебрачные сексуальные контакты, которыми заканчивалось посещение, например, весенне-летних празднеств, резко осуждались духовенством, и в то же время в целом не порицалось обществом.

В русской культуре под влиянием христианской традиции характеристика ‘похотливый’ получает отрицательную оценку, так как похоть, согласно библейским законам, расценивается как человеческая слабость, потворствование которой приводит к греху и отдаляет человека от Бога. Похоть – это страсть, делающая людей похожими на животных, у которых на первом месте стоят инстинкты.

В сознании носителей русского языка модель «животное → похотливый человек» является весьма продуктивной, что подтверждается обращением к зооморфной лексике. Так, достаточно распространено в русском языке использование зооморфизма *кот* в значении ‘о похотливом, сластолюбивом мужчине’ [9, с. 463]. Семный состав данного словозначения представлен гиперсемой – ‘мужчина’; гипосемой 1 – ‘сластолюбивый’, гипосемой 2 – ‘похотливый’, гипосемой 3 – ‘развратный’. Данный ЛСВ зоонима *кот* закрепился в устойчивых сравнениях *блудлив как кот, похотлив как кот* [10, с. 298], *взгляд у кого как у кота* ‘о чьем-либо похотливом, алчном взгляде’ [10, с. 299]. Зооморфизм *кот* в рассматриваемом значении ассоциируется с распутным человеком, в результате чего он получает негативно-пренебрежительную оценку. Например: *С милицией собиралась тебя искать, потаскун! Глянь в зеркало – во что ты превратился, в **драного кота!** Совсем заездили тебя девицы* (Д. Рубина «Белая голубка Кордовы»). В русском языке словосочетание *дранный кот* прежде всего используется для характеристики внешности: *худой (тощий, ободранный) как облезлый (дранный, ободранный) кот* ‘о болезненно худом, костлявом, жалком, потасканном мужчине’ [10, с. 299]. Но из данного контекста следует, что мужчина имеет жалкий, потасканный вид по причине чрезмерной половой активности. Поэтому автор использует характеристику *дранный кот*, а не, например, синонимичную ей *заяц дранный (ободранный)* ‘о чрезмерно хилом, тощем человеке’ [10, с. 215].

Менее продуктивен зооморфизм *кошка* для характеристики и оценки поведения развратной женщины: *Она, мать, во всем виновата. Она одна, похотливая кошка! Вот, вспомнила вчера в разговоре с Тимченко Мишу, и опять в душе что-то поднялось: ведь теперь-то ясно, что и с ним подло поступила, бросила, отреклась* (Н. Катерли «Дневник сломанной куклы»).

Активное сексуальное поведение котов нашло отражение во фразеологизме *мартовский кот* ‘любвеобильный мужчина’ [11, с. 322]: *Влюбился... и бегал я за своей красавицей, поистине сказать, как мартовский кот* (П. В. Засодимский «Перед потухшим камельком»); *Саша постоянно пропа-*

дал где-то, как **мартовский кот** (В. Токарева «Своя правда»). При характеристике циничного взгляда похотливого мужчины на женщину употребляется ироничный сравнительный оборот *смотреть, как кот на сало (на масло, на сметану)* [10, с. 299]: *Горбун напряг весь свой ум на обдумывание подробностей своего плана овладеть Марьей Андреевной, которая представлялась сластолюбивому уроду тем лакомым куском, на который он смотрел, как кот на сало.* (Н. Э. Гейнце «Коронованный рыцарь»). В поговорке *Стар кот, а масло любит*, в которой зооморфизм *кот* также актуализируется в значении ‘о похотливом, сластолюбивом мужчине’, *старым котом* назван пожилой человек, в то время как словом *масло* обобщенно называются привлекательные женщины: *Даже этим страшным военным летом какие изумительные юбочки – легкие, коротенькие, женственные – носят в Ницце... Иван Алексеевич засмеялся: стар кот, а масло любит!* (А. Хруцкий «Окаянные дни Ивана Алексеевича»).

В художественных текстах встречается индивидуально-авторское употребление слова *котовать* в значении ‘блудить, распутничать’: *А вышто где сейчас, Рита Петровна? – Не знаю. Гуляет где-то. – Котует, значит. – Ну, зачем так-таки и котует? У него своя жизнь. – Всё-таки, не обижайтесь на меня, Рита Петровна, профукали вы своего мужика* (И. Грекова «Скрипка Ротшильда»).

В воровском жаргоне слово *кот* используется для называния сутенёра, человека, живущего на содержании проститутки [9, с. 463]. В структуре данного значения зооморфизма *кот* вычлениваются гиперсема 1 – ‘мужчина’, гиперсема 2 – ‘сводник’; гипосема 1 – ‘любовник проститутки’. Эмоционально-оценочная сема ‘сводник’ занимает позицию семантического ядра, определяя негативную коннотацию зооморфизма *кот* в данном ЛСВ. Гипосема ‘любовник проститутки’ также играет важную роль в формировании отрицательной оценки данного зооморфизма, так как отношения с женщинами лёгкого поведения в обществе порицаются: *Это коты выясняют отношения. – Этот её кот – козёл и свинья. – Целый зоопарк* [12]. Рассматриваемое значение слова *кот* получило широкое распространение в конце XIX – начале XX вв. в связи с легализацией на территории Российской империи домов терпимости. В Словаре русских народных говоров зафиксировано слово *котовать* – ‘быть служителем в публичном доме’ 1914 г., а также ‘быть сутенером, котом’ 1905 – 1921 гг. [13, с. 108], что свидетельствует о широком распространении зооморфизма *кот* в значении ‘сутенер’ с начала XX века.

В китайском языке в значении ‘сутенёр’ используется слово 鸡头 jītóu (= голова курицы) [14], семантика которого связана с лексемами 鸡 jī (= курица) ‘проститутка’: 这条街晚上有不少的鸡 (= На этой улице ночью много проституток (букв. *курочек*) [15, с. 111] и 野鸡 yějī (= фазан) ‘проститутка’: 那家饭店有不少野鸡. (= В этой гостинице много проституток (букв. *фазанов*) [15, с. 229]. В русских художественных текстах встречается индивидуально-авторское употребление слова *фазан* в значении ‘о похотливом мужчине’: *Но разве дело в этом смешном похотливом фазане, который перед каждым*

женскими сиськами раскрывает разноцветный хвост и рассказывает один и тот же двусмысленный анекдот? (А. Проханов «Господин Гексоген»).

Для вербализации оценочной характеристики 'похотливый' в русском языке очень активно используется зооморфизм *кобель* 'о похотливом мужчине' [16, с. 64]; 'бабник, ловелас' [17, с. 199]. Например: *Уж такой он кобель, ни одной юбки не пропустит!* (Т. Соломатина «Девять месяцев, или "Комедия женских положений"»); *То ли он озабочен, то ли просто кобель по жизни* (М. Письма из Санкт-Петербурга подруге в Саратов). Семный состав данного словозначения зоонима *кобель* представлен гиперсемой – 'мужчина'; гипосемой 1 – 'сластолюбивый', гипосемой 2 – 'похотливый', гипосемой 3 – 'развратный', что является основанием для использования лексемы в качестве негативной оценки человека. В русском языке зооморфизм *кобель* употребляется не только для называния мужчины с грубо чувственным отношением к женщине, но также подчёркивает неуместную мужскую сексуальную активность: *Потом он ей надоел, она легла на верхнюю полку, и, представь себе, этот старый кобель взгромоздился на лесенку и стал лезть ее щупать* (Н. Катерли «Сквозь сумрак бытия»). Несмотря на то, что в большинстве случаев зооморфизм *кобель*, при помощи которого вербализуется оценочная характеристика 'похотливый', соотносится с лицами мужского пола, в русских говорах также присутствует слово *кобелиха* 'женщина дурного поведения' [18, с. 336].

Оценочная характеристика 'похотливый' может быть выражена также лексемой *жеребец* 'о мужчине, до неприличия откровенно проявляющем свои физиологические наклонности': *Ну и жеребцы, от баб не отходят, смотреть тошно!* [9, с. 303]. Жеребец, противопоставляясь мерину, является символом мужской силы и необузданной страсти: *Мерин, выпущенный на волю, порою кажется со стороны жеребцом, и тогда бабы путают какое-то время и соблазняются...* (В. Личутин «Любостай»).

В китайской культуре с чувственными отношениями между мужчиной и женщиной связан мифологический образ лисы-оборотня 狐狸精 *húlǐjīng*: «Лисы, как правило, – искусные обольстительницы. Приняв облик прекрасной девушки, такая лиса является к мужчине, очаровывает его своей неземной красотой, талантами, доступностью и вступает с ним в интимную связь. Именно супружеские отношения с человеком являются конечной целью лисы, поскольку в процессе сексуальных отношений она получает от мужчины его жизненную энергию, что необходимо ей для совершенствования волшебных возможностей» [19, с. 50]. В современном китайском языке слово 狐狸精 *húlǐjīng* (= лиса-оборотень) употребляется в значении 'обольстительница, искусительница' [6, с. 550]: 小香不是狐, 因为她没有一点狐意。(= Сяо Сян не лиса, потому что у неё нет лисьих помыслов); 你这个坏女人, 你放开我! 我不要你管! 你是女妖精, 你是狐狸精! ” (= Ты плохая женщина, отпусти меня! Я не хочу тебе подчиняться! Ты обольстительница, ты искусительница 'лиса-оборотень'!).

Значение 'развратник' имеет также архаичное китайское слово 雄狐 *xiónghú* (= самец-лиса) [20, с. 357]: 狐是最擅长于迷人的, 雄狐迷女人, 雌狐

迷男人, 而且能把人迷得死无葬身之地 (= Лиса мастерски владеет искусством очаровывать, развратник (букв. *лис-самец*) увлекает женщин, развратница (букв. *лисица-самка*) увлекает мужчин, они способны очаровать человека так, что ему не найти даже места для погребения).

Менее продуктивно использование в русских художественных текстах слова *лис* в значении 'о похотливом обманщике': *Ты хочешь соблазнить мою жену и отнять у меня семью, старый похотливый лис, прикрывающийся святым чувством – отцовской любовью?! (Т. Дудкевич «Сериалы»).*

Примером алчности, чревоугодия и похотливости является персонаж классического китайского романа «*西游记*» («Путешествие на Запад») 猪八戒 (свинья Бацзе). Комический волшебник, получеловек-полусвинья – олицетворение мелких человеческих страстей.

Человека низменных страстей, которого волнует удовлетворение только физиологических потребностей, носители русского языка также сравнивают со свиньей. Например: *Мы скоро не будем видеть неба, как разжиревшие и похотливые свиньи!* (Ю. Бондарев «Берег»). Кроме того, словосочетание *похотливая свинья* может использоваться как ругательство: *Убери свои руки, похотливая свинья! Не видишь – я замужем!* (А. Белянин «Свирепый ландграф»).

Для вербализации оценочной характеристики 'похотливый' в китайском языке также используется зооморфизм 色狼 *sèláng* (= похотливый волк) 'развратник, распутник, похотливый мужчина; сексуальный маньяк': *晚上不要进这公园, 小心色狼骚扰* (= Не ходите вечером в этот парк, остерегайтесь домогательств сексуальных маньяков (букв. *похотливых волков*)) [14]. Слово-мотиватор 色 *sè* (= похотливый), участвуя в процессе образования зооморфизма 色狼 *sèláng*, указывает на соответствующую потенциальную сему этой номинации и занимает позицию семантического ядра производной лексемы наряду с гипосемами 'хищный', 'нападающий на людей'. В данном примере слово-мотиватор полностью совпадает по смыслу с потенциальной семой зоонима и служит дополнительным основанием для использования слова в качестве негативной оценки человека 色狼 *sèláng* (= похотливый волк).

В русской народной традиции мужской символикой волка определяется ассоциативная связь жениха с этим животным: «жених, ищущий себе невесту, может символически соотноситься с волком, охотящимся за добычей. Кроме того, волк, нападающий на скотину, загрызающий добычу, нередко наделяется эротической символикой, в частности символикой коитуса» [21, с. 412].

В вербализации оценочной характеристики 'похотливый' в китайском языке участвует также зооморфизм 蛱蝶 *jiá dié* (= бабочка), употребляющийся в составе метафорического оборота 穿花蛱蝶 *chuān huā jiá dié* (= бабочка, порхающая с цветка на цветок) 'похотливый мужчина, имеющий слабость к женской красоте' [14]. Отметим, что данный оборот устарел и в разговорной речи, как и в текстах художественной литературы, не используется. В русском языке эвфемизм *ночная бабочка* употребляется в значении 'о проститутке' [9, с. 54]. Например: *Платная девушка? Путана? Ночная бабочка? Жрица любви? Какой культурный дворник!* (М. Веллер «Белый ослик»).

Таким образом, похотливого человека носители русского языка называют *котом, кобелём, жеребцом*. Менее продуктивны номинации *свинья, лис, фазан*. Перечисленные зооморфизмы, как правило, относятся к характеристике лиц мужского пола. Отметим также, что данные слова активно употребляются как в текстах художественной литературы, так и в разговорной речи. В китайском языке в вербализации оценочной характеристики 'похотливый' участвуют слова 雄狐 *xiónghú* (= самец-лисица), 猪八戒 *zhūbājiè* (= свинья Бацзе), 色狼 *sèláng* (= похотливый волк), 蛱蝶 *jiá dié* (= бабочка), которые также относятся к характеристике лиц мужского пола, но на нынешнем этапе функционирования языка активно употребляется только зооморфизм 色狼 *sèláng* (= похотливый волк). Это позволяет предположить, что в сознании носителей китайского языка модель «животное → похотливый человек» является не настолько продуктивной, как в русском языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. 苏, 海燕. 从概念隐喻角度解读汉语动物惯用语 / 苏海燕 // 盐城师范学院学报 (人文社会科学版) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xuebao.yctu.edu.cn/Upfile/2013/4/12/2013041260091213.pdf>. – Дата доступа: 16.05.2015.
2. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988. – Т. III. П – Р. – 1987. – 752 с.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988. – Т. I. А – Й. – 1985. – 696 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988. – Т. IV. С – Я. – 1988. – 800 с.
5. Современный русский язык / Л. Р. Щербина. – М.: Высшее образование, 2006. – 1304 с.
6. Современный русский язык / Л. Р. Щербина. – М.: Высшее образование, 2006. – 1304 с.
7. Ван Гулик, Р. Сексуальная жизнь в древнем Китае / Перевод с английского А. М. Кабанова. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. – 400 с.
8. Пушкарёва, Н. Л. Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов (X – XVII вв.) / Н. Л. Пушкарёва // Секс и эротика в русской традиционной культуре / Сост. А. Л. Топорков. – М.: Ладомир, 1996. – 535 с.
9. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
10. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских народных сравнений / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 800 с.
11. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.
12. Мокиенко, В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ojargone.ru/> – Дата доступа: 13.12.2018.
13. Словарь русских народных говоров. Выпуск 15: Кортусы – Куделюшки / Гл. ред. Ф. П. Филин; Сост. Н. И. Андреева-Васина, А. Ф. Марецкая, И. А. Попов, Н. В. Попова; Под ред. Ф. П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1979. – 400 с.
14. Большой китайско-русский словарь // 大 БКРС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bkrs.info>. – Дата доступа: 13.12.2018.
15. Ли, Шуцзюань. Словарь современного китайского сленга / Ли Шуцзюань, Янь Лиган. – М.: Sinolingua: Восточная книга, 2009. – 256 с.
16. Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988. – Т. II. К – О. – 1986. – 736 с.

17. *Елистратов, В. С.* Словарь русского арго: Материалы 1980 – 1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В. С. Елистратов. – М. : Русские словари, 2000. – 694 с.
18. Словарь русских народных говоров. Выпуск 14: Кобзарик – Корточки / Гл. ред. Ф. П. Филин; Сост. О. Д. Кузнецова, О. Г. Порохова, П. И. Павленко, Е. Н. Этерлей; Под ред. Ф. П. Сороколетова. – Л. : Наука, 1978. – 376 с.
19. *Алимов, И. А.* Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая / И. А. Алимов; Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). – СПб. : Наука, 2008. – 284 с.
20. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Под ред. проф. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983. – Т. 2. – 1100 с.
21. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : «Институт славяноведения РАН», 1995. – Т. 1: Август – Гусь. – 575 с.